

Инга Максимовская

Мега
САЙЗ

ПЛАН Б

18+

Инга Максимовская
Мега Сайз. План Б

«Автор»

2022

Максимовская И.

Мега Сайз. План Б / И. Максимовская — «Автор», 2022

Продам девственность – дорого! Никогда не слушайте идиотских советов подруг, сказанных в шутку. А еще лучше не озвучивайте их brutальным незнакомцам похожим на бога, когда ваша жизнь летит на полной скорости под откос. Ведь они могут предложить хорошую цену. И ваше «Я не такая», совсем уже не звучит, потому что иногда сумасшествие заразно. А через месяц... Две полоски на тесте. Я невеста. И вроде бы все правильно, но... Невеста я фальшивая, купленная за долги, жених меня ненавидит. А мой будущий свекор даже не подозревает, что скоро станет совсем даже не дедом

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 4	18
Глава 5	20
Глава 6	22
Глава 7	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Инга Максимовская

Мега Сайз. План Б

Пролог

Так не бывает же? Ну правда, просто абсурд? Я смотрю на абсолютно голого мужчину, раскинувшего сильные мускулистые ноги и силюсь вспомнить, что я тут делаю, в этой совершенно незнакомой мне шикарной комнате. Голова гудит, язык распух так, будто в моем рту, пока я спала, покончил самоубийством свои жизни целый рой африканских пчел – убийц. Взгляд утыкается в толстенную пачку денег, перетянутую резинкой, небрежно валяющуюся на прикроватной тумбе красного дерева. Память начинает возвращаться. Стихийно, как ледяной дождь взявшийся из ниоткуда. Но, черт меня подери, лучше бы я так и осталась в неведении, с амнезией и еще каким-нибудь психиатрическим диагнозом, чем внезапно обрушившиеся воспоминания о вчерашней сделке с самим, кажется, дьяволом, похожим на проклятого падшего ангела. Да, это было бы избавлением.

– Господи, теперь я шлюха,– мелькает мысль, от которой мне становится очень смешно. Судя по толщине денежного эквивалента, довольно дорогая. Непорочная б... Нервно хихикнув, оглядываюсь на купца, заплатившего за залежалый товар бешеные деньги. Боже. Лишь бы он не проснулся.

Надо бежать. Нестись сломя голову, пока не очнулся человек, заключивший со мной сумасшедшую сделку. А человек ли?

Деньги не беру. Да, я идиотка. Да, лучше сдохну под забором. Да, мне просто ошеломительно стыдно. Как там говорят? «Пьяная баба, кое-чему не хозяйка?»

А пьяная полудурочная девственница, продавшая свое единственное достоинство за миллион не пойми кому, не хозяйка собственному, распухшему мозгу. О чем я думала? О чем? О чем? О чем?

Глава 1

Мария

Накануне

Смешно. Почти как у классика.

– Не выдержал все таки?– хмыкнула моя единственная подружка, Леська, отчаянно хрустя при этом каменной сушкой. Почему единственная? Да потому что...

– Уволил. Сказал, что у меня обе руки левые. Но, страшнее всего, что Марк на меня долг навесил. Сто тысяч. Это же неприподъемно. Ну не может тот сервис, что я разбила столько стоить. Нереально же? – обреченно хлюпнув носом, я в очередной раз позавидовала подруге. Как у нее получается молотить все, что не приколочено и при этом оставаться маленькой феей, с фигурой вырезанной из эбенового дерева богини? Я же раздуваюсь, словно воздушный шар, едва понюхав вкусняшку.– Лесь, я не знаю, как домой идти. У тети Глаши снова будет криз. А она говорила, что еще один ее просто убьет.

– Да тетку твою из дробовика не завалишь. Переживет даже тараканов, случись ядерная зима. Когда ты уже поймешь, Маруська – она просто тебя поработила? Навязала тебе кучу комплексов, и валяется теперь на твоих косточках. Тоже мне, мать Тереза и спального района. Чего ты сейчас расстроилась? Что тебе жить не на что будет, или что Глафирина Пубусенок останется без вареной говядинки. Очнись, Машка, тебе сейчас думать нужно совсем о другом. Марк гаденыш, он ведь с тебя живой не слезет.

– Точно, Пубусик,– обморочно пробормотала я, вспомнив злобное мелкое существо, на тонких ножках. Пинчеру тетушки лет, как мумии Тутанхмона. Хотя, у мумии то хоть зубы были целы, вроде. Но за мелкое исчадие, Глафира сожрет мое сердце. Даже хозяин ресторана, из которого я вылетела с треском сегодня, так меня не пугает, как то, что я явлюсь домой без чаевых. Сообщить тетушке новости у меня просто нет сил.

– Так ты это, продай чегонибудь утратившее ценность года четыре назад,– в голосе Леськи я не услышала издевки, но она там точно была. Клянусь всеми оставшимися зубами пинчера.

– Чтобы продать чтонибудь ненужное. Нужно сначала купить, что –нибудь ненужное, а у нас денег нет,– хрюкнула я и закашлялась подавившись сушкой. Может поэтому не сразу офигела от дальнейшего предложения подружки – норушки.

– У тебя есть вполне ликвидный, хоть и залежалый товар. Сейчас модно продавать девственность. И вдоволь и без греха, как говорится. А что, рабочий вариант. В конце – концов, в двадцать три года быть целкой – это просто извращение,– заржала Леська, болтая сушкой в чашке с чаем. Я задохнулась. Такое мне предлагать.

– Я тебе бублик сейчас в глотку затолкаю. И как ты себе это представляешь? На улицу с флайерами выйти? Или ты мне предлагаешь объявление дать в газету? Дура, – выдохнула я, схватив со стола каменный бублик.

– Да расслабься, я пошутила. Хотя. Вариант рабочий. На долг бы тебе хватило, – хмыкнула Полинка, совсем не испугавшись моего зверского взгляда. – Тетка же твоя до сих пор тебя за руку водит к гинекологу? Слушай, почему ты ее не пошлешь на хрен? Маш, это же какое – то изощренное самоистязание.

– Она меня воспитала. Отдала всю жизнь мне,– вздохнула я, понимая, что просто так мне проще думать. Хотя. я сейчас повторила слова тетушки, внушенные мне с самого первого моего осознания себя. На самом деле я адски устала.– Можно я у тебя переночую?

– Прости, заяц, но у меня свидание. Зря что ли я трусы себе купила новые?– хмыкнула Олеся, кивнув на кучу ниток, сваленную посреди стола, словно руины моих надежд на то, что сегодня меня не казнят.– Мой сердечный друг не Бельмондо, конечно, да и нищеврод, чего

греха то таить. Но что он творит в постели... Настоящий умелец оральных утех, ну то есть орет как бизон африканский, аж соседи прибегают, а не то что ты подумала, извращуга. Думают смертоубийство вершится, – больше не сдерживаясь заржала Лесюнька.

– Извини, – вздохнула я, прощаясь с чаяниями. – Я сейчас уйду, только чай допью.

– Дура ты, Машка. Подожди, денег тебе дам, горе мое. Чаевые сегодня были царские. Раз ты так не хочешь продавать свою половую невинность, придется мне взять над тобой шефство. Да бери уже, – сунула мне в руку купюры подруга, явно чувствующая свою вину, – и это, сердешный друг мой уезжает, не могу его я отфутболить сегодня, – подтвердила она мою догадку.

– Кто тут невинность продает? – раздался за моей спиной радостный бас. Я вздрогнула и очень захотела провалиться под землю. В дверном проеме появился, похожий на автобус Ленчик, из – за которого мне сегодня предстоит моральное аутодафе. – Я готов рассматривать варианты.

– Ты нищеврод, – фыркнула Леська, посмотрев на огромного придурка глазами полными обожания. – Максимум, что ты можешь купить – мороженку.

– Зато я мачо, – выгнул грудь колесом красавчик, – зачем ей деньги? Деньги ж навоз – сегодня нет – завтра воз. А вот воспоминания... Замутим тройничок. На всю жизнь память. Машка, хорошая сделка. Соглашайся.

– Придурок, – всхлипнула я, почувствовав как к щекам приливает огненная краснота. Ломанулась к входной двери, проскользнув под мышкой у наглого мерзавца. Оглянувшись уже у выхода и прохрипела, – запомни, Ленчик, мачо и чмо разные вещи.

– Поганка, – заржал мне вслед хам и судя по звуку получил по шее от своей дамы сердца. Потому что захлебнулся издевательским смехом, хрюкнул и забубнил. Но я уже не слышала, что он там говорил. Неслась по ступеням, сломя голову, сжав в кармане деньги, на которые могла бы накормить Пубусика и оттянуть «приятный вечер» метаний между телефоном, звонками в измученную тетушкой «Скорую» и кухонным шкафчиком в котором тетушка хранит мировой запас лекарств со страшными названиями на коробочках. Хотя бы на пару дней.

Занятая своими мыслями, я бежала по улице не глядя по сторонам. Обида, смешанная со страхом не позволяла поднимать головы, и последние минут тридцать я видела только свои старенькие кеды, мелькающие перед глазами, да потрескавшийся асфальт, исходящий жаром, мерцающий и плывущий миражами.

Остановилась только осознав, что умираю от жажды. Просто вот если не сделаю глоток воды, то свалюсь без чувств прямо здесь. Посреди... Кстати, где это я?

Огляделась по сторонам, пытаюсь увидеть хотя бы вывеску с названием улицы. Судя по тому, что я перед собой созерцала, я находилась в самом центре города, который никогда не любила. Даже буйная зелень сейчас не разбавляла серости некогда красивых, старинных особняков, которые теперь превратились в безликие офисные здания пафосных фирм, хозяева которых наверное и не думали никогда о том, как прокормить беззубого песика, размером с небольшую крысу. Взгляд уткнулся в вычурную вывеску заведения общепита, и я пошла на запах, как крыса за дудочником, явно лишившись остатков разума. Обезвоженный мозг повел меня туда, где есть вода, совсем не принимая во внимание, то, что мы с ним теперь нищие и безработные.

– Прешь куда? – грубый окрик заставил меня вздрогнуть. Я замерла на месте, уставившись на человека – гору, перегородившего мне путь. – Тут не подают.

– Я хотела купить воды, – просипела я, уже понимая, что не уйду. Нашупала в кармане даденную мне Леськой купюру, понимая, что своим глупым упрямством сама рою себе могилу. Но, я с детства не люблю, когда кто – то мне пытается внушить то, что я и без него знаю. – Это запрещено?

– Слушай, иди отсюда,– хрюкнул амбал, рассматривая меня, как блоху, судя по выражению брезгливост на его лице.– У тебя не хватит денежек, деточка. Это заведение не для тебя. Понимаешь? Через два квартала есть забегаловка для нищих.

– Я не... – почувствовала, что еще немного и из моих глаз брызнут злые слезы. Но голосок из меня вырвался такой «жалостный», что аж стыдно стало.

– Пропусти девчонку, Жорик,– прозвучал откуда – то сверху присыпанный песком бас. Я даже понять не смогла откуда. Не иначе от жажды у меня начались глюки, и я слышу низшедший с небес глас. Я испуганно попятилась и уперлась спиной в...

– Виктор Романович, не могу, при всем уважении. Меня раком поставит хозяин,– хныкнул наглый секьюрити.– Дресс – код у нас.

– Скажешь, что я приказал, делов то.

Я наконец – то отмерла, и смогла обернуться. Передо мной, точнее позади меня, стоял бог. И даже нимб над его зачесанными назад волосами, имелся. А может просто отблеск солнца это был. Земные мужчины не бывают такими. По крайней мере мне пока еще не встречались настолько восхитительные представители сильной половины человечества. А я наверняка сейчас была похожа на слюнявую имбецилку, еще и немую. Потому что, судя по сжавшимся связкам, могла наверняка только мычать.

– не могу,– уперся амбал, покрывшийся испариной под взглядом красавца с ужасно грустными глазами. Точно, вот что меня царапнуло. На идеальном лице его глаза смотрелись странно и чужеродно.

– Ты меня разочаровываешь, Жора,– скривил в губы мой случайный заступник.– Тогда, эта девка со мной. Меня тоже не пропустишь? – приподнял он бровь, подхватив меня под руку. Я заскулила, сделала попытку вырваться. Но хватка оказалась стальной. Боже. Только бы у меня подмышки были не мокрые от пота. Я ж бежала, по жаре. И куда я вляпалась опять? Ну на черта я закусила? Охранник прав, мое место через два квартала.

– Вас с превеликим... – чуть не до земли согнулся амбал, и я все таки не удержалась и окатила его полным презрения взглядом. Алаверды. Так сказать. Не знаю, уж насколько уверенно я выглядела, болтаясь в руке с дорожными часами на запястье, словно драный плюшевый заяц.

Ресторан оказался шикарным, и я снова себя почувствовала убогой каликой, когда мой новый знакомый свалил меня на стул в стиле Версаль, словно куль с песком и с такой силой придвинул к золоченому столу, что вышиб остатки воздуха из моего и без того измученного организма.

– Моя дама хочет пить,– отдал приказ он реализовавшемуся из воздуха официанту.– И я думаю, что и есть, ведь так, девушка? Эй. Ты еще здесь? – щелкнул пальцами перед моим носом этот самоуверенный самец.

– Я не голодна,– икнула я, чувствуя, что слона бы съела сейчас.

– Меню не надо, тащи все, – хмыкнул грустноглазый, рассматривая меня, словно амебу под микроскопом.

– Пить сначала, если можно,– каркнула я, мечтая о глотке ледяной воды. Может утолив жажду, я перестану выглядеть так жалко.

– Да, и мне, то что обычно, а девочке сладенького, а то она сейчас, кажется, впадет в кому. Лед не забудь,– не сводя с меня своих странных глаз, бросил в сторону моего коллеги мужчина. Хотя, что это я? Какой мне коллега этот лохотный мальчик? Я то бежала официанткой в менее пафосном ресторане. Да и дали мне такого сногшибательного пинка, что я до сих пор не могу в себя прийти. Летела и кувыркалась как перекасти-поле. Еще и должна осталась. Поработала, блин. От воспоминаний меня затрясло.

Через пять минут на столе появился запотевший графин с жидкостью цвета солнца внутри. Я сглотнула тягучую слюну. Воздух оглушающе запахом лимонами. Воды кельнер так и

не подал, а пить хотелось так, что в глазах начали плыть разноцветные пятна. Ну, лимонад даже лучше.

– Ты вроде немой не была, когда спорила с халдеем на входе, – ухмыльнулся мой новый знакомец, без брезгливости наливая в мой стакан жидкость из графина. Странно, обычно такие как он никогда сами не делают работу за официанта. Но тут явно другой случай. Дядька то похоже не совсем в себе. Я только сейчас могла рассмотреть мужика сидящего напротив. Он не так уж и молод, как мне показалось сначала. Морщинки какие – то скорбные в уголках губ. Не глубокие, его не портят, скорее наоборот придают какой – то звериной брутальности, что ли.

– Я просто хочу попить, – просипела я, гипнотизируя жидкость в тонкостенном стакане, стоящим прямо передо мной.

– И что тебе мешает? – приподнял бровь Виктор Романович, так вроде к нему обращался на входе охранник.

– Никто, – вякнула я, схватила стакан и одним глотком залила в себя вожаделенную влагу. Только вот это не лимонад оказался. Совсем даже. И не сок, как я думала. Напиток огненным вихрем пронесся по моему пищеводу, в голове загудело. – Что это? – промямлила я, едва шевеля непослушным языком.

– Ну ты сильна. Ни разу не видел, чтоб Лимончелло так засандаливали, – хмыкнул мужчина, – мне теперь тебя догонять придется.

– Я думала это лимонад, – прорыдала я. Ну что за день? Сколько там было в стакане, граммов двести? Обычно, для того, чтобы окосеть, мне хватает понюхать пробку.

– Ага, Буратино. А знаешь Мальвина, давай вместе напьемся. Я как раз собирался сегодня пуститься во все тяжкие. Ты как? С меня веселье.

– Не похожи вы на веселого клоуна, – по-дурацки хихикнула я. – У вас что – то произошло? Ну, в смысле, такие как вы проблем не должны иметь.

– А такие, это какие? – спросил Виктор Романович, делая глоток из своего стакана. До моего носа долетел запах виски. Чистого. Ничем не разбавленного, с дубовыми нотками и выраженным солодовым ароматом.

– Простите, я просто...

– Никогда не лезь с такими вопросами к незнакомым дяденькам, Красная Шапочка. Дровосеки могут оказаться страшнее и зубастее волков. И заруби на своем конопатом носу – проблемы есть у всех. Вопрос просто в их масштабах. Твои, например, я могу решить щелчком пальцев. Мои... Черт. Давай лучше еще «попьем»

– Для меня мои проблемы не решаемы, – хрюкнула я в стакан. Ликер из лимона сейчас мне отчего – то очень понравился. И оказался весьма кстати, стало легко и спокойно. Отпустило тянущее душу напряжение.

– Расскажешь?

– Зачем вам? Это довольно-таки скучно. А хотите посмеяться? – пьяно икнула я. – Может вам легче станет? Смех то лечит все болезни.

– А давай, – в тон мне ответил мой спаситель. Сейчас им он мне и казался, и вообще жизнь не так уж и дурна. – Моя подруга мне сегодня предложила продать девственность. Ну, чтобы мои проблемы решить. Представляете? Смешно же? – я глупо хихикнула, но тут же замолчала. Глаза Виктора Романовича потемнели, как небо перед грозой. Он даже не улыбнулся. Боже, ну что я за идиотка. Что он обо мне подумает? – Вы не подумайте, я не такая совсем. Это же была шутка.

Звучала я сейчас конечно жалко. И бляение мое оправдательное... Боже, боже, боже. Пусть он страдает провалами в памяти и ретроградной глухотой. Илия пусть прилетят инопланетяни и унесут меня на опыты, прозондируют и вырвут язык.

– Ты еще...? Господи, разве такие еще бывают сейчас? Детка, кто тебя растил?

– Тетя Глаша, – икнула я, закашлялась и еще больше захотела растаять в воздухе. Вот бы он охренел. Побольше чем от моей позорной девственности, наверняка.

– А знаешь, племянница тети Глаши, предложение интересное. И знай, проблемы, которые можно решить миллионом – это не проблемы. Небольшие трудности, – он налил полный стакан виски, опустошил его одним глотком, откинулся на спинку шикарного стула и ослабил галстучный узел. Точно – бог. Самый настоящий, всесильный. – Обычно я не ввязываюсь в сомнительные сделки, девочка, но сегодня у меня настроение вляпаться по уши в какую –нибудь чертову авантюру. Сколько?

– Миллион, – ну теперь то он точно откажется. Скажет, что я сумасшедшая, даст мне пинка. Рассмеется в лицо, в конце концов. На это я рассчитывала, а совсем не на то, что произошло дальше.

– Ну, товар то специфический, – прищурил глаза чертов хозяин жизни. – А потом, откуда я знаю, может ты аферистка. Сейчас операции всякие делают.

– Ну, не хотите, как хотите. Я ж не настаиваю, – выдохнула я с облегчением, ухватила со стола тонкую рюмку и опрокинула в себя ее содержимое. Это какое – то безумие. Театр абсурда. – И вообще, я просто хотела вас повеселить. Думала вы посмеетесь.

– Тебе удалось. Я возбужден и слегка контужен. Давно не чувствовал себя так. Знаешь, я пресыщен, но ты... Короче, есть сделка. По рукам, – оскалил белоснежные зубы страшный хищник. Нет, он совсем не дровосек. Он волк в овечьей шкуре. – Только напишем небольшой контракт. Так, на всякий случай. А то всякое бывает. Вы бабы народ ушлый. Лет тебе сколько?

– Двадцать четыре, – мой стон его кажется позабавил. – Будет.

– Как моему сыну, – в голосе Виктора Романовича, мне показалось, я услышала странное отращение и тоску.

– Я думала вы моложе, – черт, ну что я за дура? Кто меня все время тянет за язык? – Простите. Ну, в смысле. Не думала, что у вас такой взрослый ребенок. Вы выглядите, как, – я хотела сказать – бог, но проглотила свой пьяный идиотизм вместе с кусочком ветчины, который стянула с тарелки. Да, иногда лучше жевать, чем говорить. И... Я не могу согласиться на ваше щедрое предложение. Лучше под забором сдохнуть.

– Это ошибка молодости. Ромка родился, когда нам с его матерью едва исполнилось по семнадцать лет. Впрочем, это тебя совсем не касается. Слушай, а как тебя зовут, подзаборная сдыхательница? А то мы с тобой почти слились в экстазе. Не могу же я тебе звать, «Эй, девушка»

– Ма... Марджери, – оооо, ну откуда в моей башке столько идиотизма? И этот безумец напротив, как – то странно лицом покраснел, явно сдерживая дикий хохот. Надо же, Марджери. Что не Фекла Альбукерская? Господи, сколько градусов в этом адском пойле, что меня так растащило?

– Тогда давай пить, Марджери. И напишешь мне расписку.

– Слушайте, а вы не маньяк? – боже, наконец – то меня осенила очередная «вумная» мысль. – А то, может, расчленили меня и адьес, мучачос. Или может и съедите?

– Я слышу в твоём голосе странную надежду, – рассмеялся этот мерзавец, рассматривая меня, как колченогую кобылу на сельском базаре. – Извини, что разрушаю твои чаяния. Нет, я не маньяк. Но, если мы договоримся, я...

– Не продолжайте, – этот стон у нас песней зовется. Я залпом допила остатки ликера, выхватив из пальцев «Не маньяка» шикарный перьевой Паркер. А что? Помирать так с музыкой. Точнее не девственницей. Коготок увяз, всей птичке пропасть. Накорябала под диктовку текст и...

А потом я пала. Сначала в туалете чертова ресторана, потом в какой – то подворотне, в машине, и еще черте где. И это было ни черта не романтично. И мне было хорошо, настолько, что эти воспоминания не смогли испариться из моей дурной похмельной реальности. Никогда не думала, что сходжение в ад настолько восхитительно. Чужие умелые руки творили с моим телом такое, что в мозгу взрывались салюты, а тело умирало и оживало. Снова. Снова. Снова. Бессчетное количество раз. А я не могла сказать ни слова, потому что мой рот был занят постоянно, совсем не по назначению.

И врала тетка Глафира – это было ошеломительно. Насолько. Что я бы не задумываясь пошла за этим странным мужчиной на край безумного света.

Проснулась с гудящей головой, свербящей болью между ног, совершенно голая.

Он все же меня купил. А я... Боже. Что скажет тетя Глаша? Она и боялась именно того, что я стану, как моя мать – ее покойная сестра. Как там она ее называет? Шалашовкой. Точно, вот и определение мне.

Я подошла к тумбочке, на которой лежали стопкой деньги, увидела расписку, написанную твердым мужским почерком и заскулила.

Я продала свою девственность за миллион, первому встречному.

И знаете, что я сделала? Сбежала. Не взяв ни копейки позорных денег. Дура? Да, зато я не вступила в сделку со своей совестью. Ну, если честно, ухватила я пару купюр, только для того, чтобы добраться до дома. Боже, меня же Глафира убьет. Теперь уже точно. Ну и пусть, потому что я сама сейчас готова сдохнуть со стыда.

Он не проснулся, пока я рылась в его шкафу, в поисках чего бы надеть. Мои вещи, разорванные в лоскуты, к носке оказались непригодными.

А может просто притворялся, кто его знает, что в голове у наглых, богатых дядек, способных отвалить миллион за то, что никому до него не было нужно. Да и ему, вряд ли. Просто решил пьяный мужик развлечься, а я, овца, попала под горячую руку.

Нарядилась, как Филиппок в мужскую толстовку, пахнущую зверем и спортивные штаны, которые подвязала поясом от халата, стараясь не смотреть на мирно сопящего моего, случайного любовника. Трудно это оказалась. Потому что мне как раз очень хотелось рассмотреть его в деталях. Красив, чертовски. Такие самые опасные. Бежать, надо бежать.

Чужой шикарный дом оказался лабиринтом, таким же мрачным, тяжелым, как в сказках про фавнов. Я неслась по длинному коридору, увешанному картинами и мечтала только об одном, исчезнуть из этого замка Синеи Бороды.

Лестница показалась мне дорогой к свету. Значит вниз, только вниз. Найду выход и забуду о своем странном приключении, как о страшном сне. Если смогу, конечно. Но, в сделку с совестью я все же не вступила. Грязные деньги так и составили лежать на тумбочке.

Холл я нашла очень быстро. Выскочила в светлую, залитую светом огромную комнату и чуть не захлопала в ладоши, увидев спасительную дверь. Всего каких – то несколько метров осталось преодолеть до свободы. Я натянула капюшон до самых глаз, сама не знаю зачем, и словно воришка, на цыпочках покралась к спасению.

– Ты кто такая? Или такой? Тетка, черт, Гюльчатай, открой личико, – громом прозвучал нахальный, злой голос. – Класс, мой папаша начал тащить в дом всякую шваль. Судя по экстерьеру, ты дешевая. Толстые бабы обычно стоят копейки. Старее батя. Экономить на здоровье начал.

Я уставилась на молодого человека, кривящего идеальные губы в ехидной усмешке.. Точно, сын. Это сын моего сладкого мучителя. Он и похож на него. Но, идеальное лицо какое – то ненастоящее, словно маска и черты лица смазаны. Не такое, как у родителя. Злое и капризное.

– Может и меня обслужишь?

– Обрыбишься, – собрав все силы выдохнула я и с быстротой белки ломанулась к выходу, под издевательский смех молодого хозяина шикарного дома, в котором я провела лучшую ночь в моей жизни.

– Беги, Форест, беги, – словно нож воткнулся между лопаток издевательский смех.

Глава 2

Виктор проснулся, но открывать глаза не спешил. Ему давно не было так восхитительно легко. Этой глупой пухляшке – красной шапочке удалось за одну ночь выгнать из головы зажавшегося серого волка все дурные мысли, заменив их на тягучую негу. Он уже забыл, когда так беззаботно спал в последний раз. Открыть глаза – значит разрушить зыбкое равновесие, пахнущее остатками сумасшедшей ночи. Сколько он там заплатил? Миллион, кажется? Можно было и больше дать. А если сойти с ума и предложить девке содержание? Полный фарш, как говорит его наследник. Скорее всего так одурительно уже не будет больше. Так хорошо. При мысли о вчерашнем безумии в паху потяжелело.

Муромцев с трудом разжал сведенные судорогой веки и резко сел в кровати, чувствуя на себе чей-то взгляд, прикрыл сомкнутой простыней неугомонный орган, которому не хватило видимо ночной скачки по пересеченной местности. Девка оказалась восхитительной: тугой, горячей, абсолютно сумасшедшей. Не ненасытной, а именно огненной какой – то, словно маленькая мягкая бомба с подожженным, потрескивающим искрами, бикфордовым шнуром.

А сейчас ее не было рядом, он это осознал. Остался только легкий шлейф цветочного аромата дешевых духов, которые он ненавидел с детства.

– Доброе утро, папуля, – голос сына в тишине комнаты прозвучал словно выстрел. Виктор поморщился, встал с кровати и потуже затянул простыню на горящих бедрах, которые всего каких – то несколько часов назад осыпала легкими поцелуями девка. Как там ее звали? Марджери. Сука, имя то какое придумала. Простыня уже не спасала, превратившись в индейское народное жилище, похожее на палатку. Фигвам, как говорил Шарик в мультике. Ромка обожал этот фильм в детстве. Черт.

– Какого хрена ты забыл в моей комнате? Я кажется говорил про личное пространство, – рыкнул Виктор Романович, бросив взгляд на тумбу, на которую вчерашняя девственница – торговка положила с великим пиететом пачку ассигнаций. А он тогда подумал, что она могла бы ему дочерью быть. И не содрогнулся от этой мысли. И ему не было стыдно пользоваться эту несчастную. Каждый имеет свою цену. Это нормально. Так почему сейчас, увидев, что деньги исчезли с тумбы, он испытывал странную гадливость?

– Я стучал, кстати. Ты не откликнулся, ну я и подумал, вдруг тебя шкура дешевая убила которую ты приволок в дом. Мало ли, шалавы не брезгливы, дала по башке папику богатому, обнесла и аля – улю. Ты б проверил, кстати. Может грабанула тебя лялька, – Губы Ромки скривились в какой – то одной из его улыбочек, которые очень хотелось размазать по его самодовольной физиономии. Господи, куда делся тот карапуз, которому он когда – то крутил фарш из жилистого мяса ручной мясорубкой, чтобы накормить, чтобы гемоглобин повысит, в перерывах между институтом и тяжелой работой? Выживали как могли ведь и были счастливы, пока он вдруг не начал зарабатывать огромные, какие – то нереальные деньги. Парадокс.

– Не дожدهшься. Девчонка где?

– Свалила, чуть не затоптала меня, бегемотиха. Ты б, отец, меня попросил, я б тебе нормальную бабу подогнал. Шлюхи и красивые бывают, открою тайну.

Веселье сына раздражало, как и то, что девка все же взяла деньги, отринув глупую свою брезгливость. Хотя, чего было ожидать? Он ей заплатил, товар получил. Все правильно. Только вот царапает.

– Ты мне лучше открой другую тайну, Буратино, деревянный мальчик, – перебил Муромцев, устав слушать ядовитые выпады в сторону распутной шлюхи – целки. В голове поселился

кузнечный молот, не позволяющий мыслить. Ярость затянулась на шее удавкой. Виктор стянул с вешалки отглаженную горничной рубашку, надел и теперь ломал пальцы, пытаясь застегнуть мелкие пуговицы на манжетах, – почему тебя вышибли из пятого уже университета.

– Настучали, суки? Отец, меня подставили. Я не барыжу дурью. Зачем мне? Ну подумай. Я сын... Твой сын, – прищурил глаза Ромка. Виктор хорошо знал этот взгляд.

– В Англии тебя тоже подставили? – голову прострелила первая стрела боли. Он так похож на Жанку. Ту, семнадцатилетнюю, которая вот так же смотрела жалобно, сообщая о своей беременности. Надо было заставить ее сделать аборт, как говорил отец. Нужно было просто не играть в гребаное благородство. Ничего ведь путного не вышло. И мальчишку она воспитала, превратила вот в это вот непонятное существо, пока он мотался по командировкам. А он хотел дочь, может тогда его сын бы не вырос таким ублюдком. Жанка больше не смогла, ранние роды что – то там подорвали в ее здоровье. Он не вникал. А теперь уж неважно.

– Па. Денег мне дай. У нас сегодня тусыч намечается. А сейф что – то не сработал. Мастера вызови, – проныл кровиночка.

– А сейф для тебя закрыт, равно как и банковские карты, гараж и хранилище, – ровный голос Виктора повис в спертom воздухе, больше не пахнущем малышкой, вынужденной зарабатывать на жизнь, торгуя собой. Черт, а мир то страшно несправедлив. – Я сменил все коды. Нужны деньги – заработай. Могу предложить место менеджера по продажам, самое низшее звено. Зарплата стандартная. Завтра в отделе кадров концерна получишь всю информацию.

– Ты сдурел совсем? Я менеджер? – голос Романа зазвенел, но Виктору было абсолютно плевать. Он страшно устал, безумно. Все, что он делал, чего добивался, рвал жилы – он делал для сына. Зря.

– Еть место дворника, – даже не повернув головы в сторону сына, прорычал он. – А чего ты хотел? Без образования ты можешь рассчитывать только на неквалифицированную должность.

– У нас сегодня выезд. Ты понимаешь, что... Отец, мать твою...

– Мне плевать, – поморщился Муромцев, прервав поток ненависти, который ощутил физически.

– Значит, шлюхам ты платишь, не жалеешь тугриков? А сыну родному зажал. Ну хорошо. Я тогда несомненно, все сделал правильно. Обойдусь, папуля.

– Шлюхи работают, а ты просто ничтожество. И вообще, с чего ты взял, что я заплатил? – дернул плечом Виктор, прежде чем выйти из собственной спальни, которую казалось, поглотила полностью темная материя. Стало душно, в ушах шумел адреналин. Он не слушал больше слов своего ребенка. Да, оказывается проще просто сбежать в офис, где все перед ним преклонялись. В последнее время Муромцев возненавидел этот гребаный особняк. А еще, в голове сверлила мысль – найти глупую плюшку и снова забыть обо всем. Странная терапия ему сейчас была нужна как воздух.

Мария

Пыльная квартира встретила меня тишиной. Даже Пубусик счел неуважением к своей блохастой личности меня обляять. Я попыталась на цыпочках проскользнуть в свою комнату, глупо надеясь, что любящая тетушка не заметила моего ночного отсутствия. И даже почти успела добежать вприпрыжку до своего восхитительного будуара, больше похожего на келью монаха – отшельника, выдолбленную в скале.

– Где ты шлялась? Или по стопам своей матушки решила пойти? От осинки то не родятся апельсинки, – скорбный, дрожащий глас все же настиг меня, в тот самый момент, когда я ухватила за ручку на двери своей спальни скрюченными пальцами с обломанными об шикарного мужика, который наверняка уже и думать обо мне забыл. Я замерла на месте, чувствуя, как по спине бегут ледяные мурашки. – Я чуть не врезала дуба, все морги обзвонила, больницы. Ты вообще думаешь о комнибудь кроме себя, Мария? Корвалол закончился весь. И что на тебе

надето? Боже, тебя ограбили? Надеюсь непоправимого не произошло? – схватилась за грудь тетушка, отчего –то за правую. Я принялась. Спертый воздух пах совсем даже не каплями успокоительными, а дорогим коньяком и шоколадом.

– Все в порядке. Задержали на работе. А одежда – просто я свою испачкала, пришлось у повара взять сменную. И, кстати, сердце слева, – врать я не умею, поэтому отвела взгляд, чтобы слишком прозорливая Глафира меня не раскрыла. Не рассказывать же родственнице, что страшное произошло. И произошло оно с моего согласия. Что меня ограбил шикарный самец, с моего согласия, забрав единственную ценность, которой я совсем не дорожила. И что мне понравилось это совершенное против моей чести преступление.

– Ты поучи еще меня, где сердце. Деньги давай. Надеюсь их то не потеряла?– перестала изображать гиперзаботу тетушка – рекетир.– Переоденься и выгуляй Пубусеночка. Из – за тебя я не в состоянии сама вывести моего малыша. И что это? Ты на паперти что ли сидела. Тут даже не хватит на витамины для моего мальчика.

Я промолчала, как и всегда. Хотя очень хотелось высказать тетушке, что витамины ее чертову дрищеногому «мальчику» не нужны, зато очень требуется хороший кнут или пендель под тощий бесхвостый зад. Поганец пинчер посмотрел на меня с превосходством. Иногда кажется, что он умеет читать мысли. Я люблю животных, очень. И думала не бывает исключений в моей безусловной к ним любви. Но, оказалось я ошибалась. Иногда мне кажется, что Леська права, и дрожащий Пинчер – это самый страшный демон ада, случайно попавший не в то тело.

Вчерашний зной сменился ледяным холодом. Вот такое вот хреновое лето. Я накинула куртку, прямо поверх одежды, насквозь пропахшей моим «приключением» и свалилась на колени перед наглым песиком, который будто превратился в желе и никак не желал вдеваться в шлейку, украшенную миллионом сверкающих кристаллов.

– Свитерок ему надень,– крикнула Глафира. Я с тоской посмотрела на леопардовое безумие, больше похожее на одеяние Сергея Зверева в лучшие его годы и вздохнула.– В магазин забеги, ребенку нужно свежее куриное филе. А мне возьми корвалолу. Если что – то еще вспомню, позвоню.

Я понуро вывалилась в подъезд, нащупав в кармане спортивных брюк свой допотопный телефон и купюру, оставшуюся от гонорара за мой позор смешанный с восхитительным удовольствием. Глянула на дисплей и застонала. Десять непринятых от Марка. Господи, пусть он одумался и решил меня взять обратно на работу. Клянусь, я больше не буду бить посуду, ломать мебель и обливать клиентов супом.

– Я думал ты решила сбежать, чтобы не платить долг,– не поздоровавшись загоготал в трубку мой бывший начальник.

–Я просто телефон не ношу с собой, потому что теряю все время, – жалко проблеяла я, ежась под порывами ледяного ветра.– Марк, ты что – то хотел?

– Да, хотел узнать, когда ты думаешь рассчитаться со мной,– в голосе его смеха больше не было, зато я услышала что – то такое, от чего ноги стали ватными. Ходили слухи, что хозяин ресторана в котором я работаю совсем не душка, и отнюдь не лапочка. И основной доход он черпает совсем не из дешевой забегаловки, которая является прикрытием для его черных делишек. Но я была слишком далека от сплетен, о чем теперь горячо жалею.

– У меня нет денег, ты же знаешь,– прижав к груди Пубусика, выдохнула я. Перед глазами всплыла пачка денег, которую я, дурища, постеснялась взять за предоставленную богатому мерзавцу, услугу. Он ведь получил, что желал. Дура я дура. Эти деньги бы решили все мои проблемы. А может вернуться в замок чертова любителя девственниц и...– Давай я отработаю. Верни меня в ресторан, пожалуйста.

– Чтобы ты его спалила, затопила, разрушила? Ты же стихия, Машка. Пострашнее торнадо. Короче, деньги мне нужны через месяц. Квартиру продай. Нет, будешь отрабатывать, но совсем не официанткой. Поверь, тебе не понравится. Поняла меня?

– У меня нет квартиры,– уныло вздохнула я, понимая, что попала, как кур во щи. И спасти меня сможет только чудо.

– Ненавижу когда мне врут. Я проверил. Халупа в которой ты проживаешь с теткой записана на имя Марьи Афанасьевны Колывановой. Тебя так вроде величают, а Манька Облигация? Ты получила ее в наследство от матери. Не делай вид, что не знала. Ни за что не поверю, что можно быть настолько душой. И только попробуй кому-нибудь передарить. Я тебя на руку натяну, как Хрюшу. Поняла меня? – прорычал Марк. А мне показалось, что на мою глупую голову свалилась ледяная глыба. – Через месяц мне нужна хата или деньги.

– Но как же? Где я буду жить, мы с тетей и Пубусиком? Марк, пожалуйста...

– Да плевал я ... Хотя. Знаешь, Машка, работенка у меня для тебя найдется. Жди указаний, – хмыкнул мой мучитель и отключился. Я обвалилась на скамейку, и зарыдала в голос. Даже пинчер проникся моментом и перестал рваться из моих рук. Притих. И задрожал. И эта дрожь маленького тельца привела меня в чувства. Значит мама мне оставила квартиру, в которой я всю свою жизнь прожила как приبلудыш. И что мне делать теперь? Вернуться за деньгами в дом Виктора Романовича? Не вариант. Он просто пошлет меня и выкинет, как дешевую шлюху. Да и мне тупо стыдно. Господи, что же я натворила? Этот странный мужчина наверняка даже разговаривать со мной больше не станет. Где он, а где я?

Я не помнила, как поднялась по лестнице, как зашла в квартиру, ставшую вдруг какой – то совсем чужой. Хотя, казалось бы, должно быть наоборот.

– Корвалол где? – тут же появилась в прихожей Глафира. – За смертью тебя посылать. Мальчика совсем заморозила. Такая же, как мать твоя непутевая. Та в подоле принесла, и оставила, кукушка. Даже собачку доверить нельзя.

Странно, но Пубусик зарычал, когда тетушка попыталась забрать его, прижался теснее ко мне, и я прониклась к этому малышу даже симпатией.

– Глаш, почему ты меня забрала? – спокойно спросила я. – Отдала бы в детдом? Зачем оставила?

– А люди бы что сказали? Я ж не скотина какая, не кукушка как некоторые,– не моргнув глазом ответила тетушка. Врет, она врет мне всю жизнь. Забрала она меня, чтобы на улице не оказаться. И жила всю жизнь на пособия, которые ей платило щедрое государство за сироту. А потом просто пользовалась мной. К горлу покатила едкая тошнота. Захотелось просто исчезнуть, испариться. – Твоя шалава мать то не подумала о кровиночке. А я старалась вырастить тебя чистой.

– У тебя не вышло,– криво ухмыльнулась я.

Глава 3

– Представляешь? Старый придурок совсем офонарел,– Ромка с силой ударил кулаком по полированной столешнице барной стойки, так, что стоящие на ней опорожненные уже стопки, подпрыгнули, жалобно звякнув.

– Ну, старик твой отнюдь не стар, я младше года на три всего. Он Суперстар, скорее. Мне до него как до луны на карачках, – ухмыльнулся его собеседник. В полумраке ревушего музыкой ночного клуба, эта улыбка показалась мерцающим оскалом хищного зверя. Роман поежился, но отмахнулся от липкого предчувствия.

– Марк, ты не слышал что ли меня? Папуля лишил меня денег, сука, – Муромцев задохнулся от злости, вихолящейся в нем с самого утра разрушительным, черным торнадо. Он посмотрел на приятеля, который стал ему чуть ли не братом за короткий промежуток времени. Наследник империи и не помнил, где познакомился с Марком, вроде на каком то очередном «пати». Но казалось, что он знал этого едкого, непонятного ему мужчину всю жизнь. Кто – то познакомил, вроде. Но то, что Марк сам подсел к нему и предложил веселье он не помнил.

Марк опрокинул в рот очередной дринок и прищурился. Этот зажавшийся мажор уже начал его раздражать. Точнее, он его начал бесить с первой минуты их «случайного» знакомства. Но вот почему – то именно сейчас ему хотелось просто отмудохать этого поганца, не ценящего того, что ему преподнесла жизнь на блюде с голубой каемочкой. Но на кону были слишком большие интересы. Жизнь парадоксальная штука. Проклятый поганец ненавидит отца, который дал ему роскошную жизнь. Марк своего отца обожал, хотя получал от него только тычки, унижение и побои. Мужчина мотнул головой, гоня ненужные мысли.

– Расслабься, Ромуальдо. Отвлекись. В конце концов друзья тебе на что? Я могу помочь, ты же знаешь. Деньги не проблема. Потом вернешь, как папаня твой одумается, – наверное именно таким голосом говорил с глупой Евой коварный змей искуситель. Лицо мажора разгладилось, ноздри заходили ходуном. – Не парься. Давай лучше поиграем. Видишь малышку?

Ромка проследил взгляд приятеля и увидел девчонку, какую – то мелкую, бедно одетую, улыбающуюся во все свои тридцать два белоснежных зуба, веселящуюся в компании таких же убогих подруг. Малышка, да. Совсем девчонка, лет двадцать, не больше.

– Что предлагаешь? – криво усмехнулся младший Муромцев, чувствуя странный прилив возбуждения. Игры Марка ему всегда нравились. – Завалить нищенку? Это скучно. Такие дуры как эта ведутся даже на пузырь шампанского. Не разочаровывай меня, брат.

– Она тебе не даст, Ромашка. Девчонка с принципами, сто пудово, посмотри на нее. Приперлась в ночной клуб в одеянии достойном монахини. Она даже контроль бы не прошла. Я приказал пропустить. Редко такие райские птички в это гнездо порока залетают. Подумал, что будет забавно, да и тебе надо отвлечься, – кривая улыбка на лице Марка казалась сейчас злой и неестественной. – Пошлет она тебя. Если только ... Давай так – ставка штука баксов. Если ты ее завалишь без вот этого. Ты ж у нас обаятельный мерзавец. Хотя... Знаешь Ромка, деньги это мусор. Если ты выиграешь, я поступлю своими правилами. Ты хотел большую игру? Я подарю тебе мир крупных ставок. По рукам?

Маленький пакетик, заполненный белым порошком упал на стойку. Роман ухмыльнулся. Вечер стал многообещающим и куражным.

– А если с этим? – голос Романа дрожал. Его мечта приблизилась к исполнению так близко, что он уже вдыхал ее аромат, наслаждался им.

– Тогда я выиграл. А ты проиграл. Но, у тебя будет утешительный приз – маленькая чистая птичка, с которой ты сделаешь все, что хочется. Не жалко тебе наивняшку, а Романо?

– По рукам, – хмыкнул младший Муромцев, соскакивая с высокого табурета. Дело было не в деньгах. В крови гудел азарт. Штука баксов совсем не тот интерес, который преследовал Марк. Бабки ничто в сравнении с удовольствием от собственной силы, власти над глупым стадным убожеством, смотрящим как он приближается к нищенскому столу, явно кажущемуся малышке шикарным. Нет, ему не было жаль несчастную жертву. Тело скрутила первая судорога возбуждения.

Мария

– Огурец хочу, – пробубнила я набитым до отказа ртом. Ну да, я ем, когда нервничаю. И все мои переживания оседают на талии, боках и всем остальном организме лишним весом. С детства так. Тетушка радела о моей невинности, а культуру правильного питания не привила. Хотя, это и невозможно было, учитывая, что кормила она меня картошкой, серыми макаронами и всем тем, что только могла найти подешевле. – Огурец, майонез, белую булку, сыр и хочу ликера вкусного с лимоном.

– А ты не лопнешь, деточка? – хмыкнула Леська, уставившаяся в недра рефрижератора, в котором не хватало только болтающейся в петле, несчастной, самоубившейся мыши. Холодильник подруги сиял чистотой.

– А ты налей и отойди. – разочарованно заглянув через плечо худющей, как палка от швабры, подруги, буркнула я. – Живешь, как отшельница – солнцеедка.

– Ты давай с темы не соскакивай. Признавайся, тот маньячелло с Лимончелло каким был? Симпомпончик, хоть? Или похож на кабана в костюме от Армани?

– Оооо,– промычала я, как Семен Семеныч Горбунков, вытаращила глаза и изобразила руками фигуру типа квадрат.

– Понятно, судя по описанию секси,– заржала Леська, выудив из холодильника тощий пакет с майонезом и скукоженный огурец, явно переживший огуречный конец света.– И богатый. Ты хоть с Марком расплатишься теперь. Да и от тетки своей ненормальной съедешь. Съедешь ведь? А то, что останется положишь на депозит. Потихоньку копеечка будет капать. Или еще лучше, в золото вложись. Она как на дрожжах растет постоянно. Господи, наконец то у тебя мозг перетек обратно в голову из того места, на котором ты сидишь, – зафонтанировала восторгом подруга.

– Я деньги не взяла,– икнула я, глядя в закаменевшую спину Олеськи.

– Ты деньги, что? Повтори, я не расслышала, – голос, искаженный тем, что вопрос был задан в холодильник, отозвался потусторонним эхом в съемной квартире на пятом этаже хрущевки.

– Не взяла,– пискнула я обморочно. Черт. Зачем я вообще начала рассказывать про свой позор? Вчера, когда я явилась на порог подруги, выглядела я по всей видимости очень не очень, говорить не могла, только бессвязно всхлипывала и тряслась, как собака больная чумкой. Поэтому рассказала я ей сокращенный вариант моей сумасшедшей истории. Ровно до момента подписания контракта.

– Это шутка, да? – прищурилась Леська. Я сжалась на табуретке, пытаюсь превратиться в бактерию. Подруга размеренным шагом пересекла кухню и ухватилась за пульт от телевизора. В моменты сильных душевных волнений ее действия никогда не поддаются логике. Сейчас Лисена молча защелкала кнопками, хаотично переключая каналы. – Как думаешь, если я тебе в ухо дуну, эхо услышу, или свист там какой? Ну как когда в вакуум орут, – наконец отмерла она, остановившись на идиотском канале светской хроники. Странный рандом у моей подружки.

–В в вакууме звук не распространяется. Там материя, понимаешь...– господи, зачем я умничать начала? Олеська стала похожа на готовящегося к нападению бородавочника.

–Все ты виновата. С идеями своими гениальными. А я не такая, я не умею быть акулой, как...– всхлипнула я, отгрызая попку вялому огурцу, и при этом бездумно глядя в экран телевизора. Подавилась чертовым овощем, закашлялась. – Это он, черт, Леська это же...

– Кто акула? – прорычала подруга, треснув меня со всей силы по горбу.

– Каракула, блин. Это же он, он, он, – некультурно ткнула я пальцем в экран, с которого смотрел на всех с высока мой ночной любовник.

– Твой дефлоратор Муромцев? – простонала Леська с придыханием.– Он же...

–Ля-ля- ля,– заткнув по детски уши пальцами заголосила я и закрыла глаза, лишь бы не видеть и не слышать того, что говорила Олеська, восторженно закатив ясны очи так, что вероятнее всего смогла увидеть свои же извилины.

– Собирайся,– выткнув мои пальцы из слуховых ходов приказала подруга.

– Куда же то?

– Поедем в гости к самому завидному холостяку нашей великой необъятной страны,– хмыкнула поганка фурия, которая раньше выглядела как моя любимая приятельница, а сейчас была похожа на злобную курицу из мультика.

– Ни за что,– выдохнула я. Леська замолчала на полуслове, и как то странно посмотрела в мою сторону.

Глава 4

– Да впервые в жизни я эту девку видел. Это не наш контингент. Я вообще удивился, когда вас увидел в компании этой особы, – дернул плечом официант, брезгливо скривив губы. – Виктор Романович, что-то случилось? Обокрала вас эта лохушка, или...

– Появиться, позвонишь сразу. Понял? – Муромцев поморщился, бросил на стол купюру, даже не глянув на ее номинал и молча пошел к выходу. На хрена он вообще сюда приперся? Словно черт его толкал, не иначе. Эта поганка Марджери украла у него очень важную вещь – покой и уверенность в собственной непогрешимости. Зачем ему глупышка эта непонятная, не мог себе объяснить этот сильный, уверенный в себе мужчина. Ее проблемы... Он может тучи разогнать над гребаным хмурым городом, а неприятности праведницы – шлюхи решил бы щелчком пальцев, а потом... Вот это «потом» его больше всего и бесило, выводило из и без того шаткого равновесия. Искал он девку совсем не для того, чтобы побыть добрым Самари-тянином. В конце концов, миллион то она взяла, поборол брезгливость. Нет, Виктор просто снова хотел ощутить тот восторг, которого давно не испытывал ни с одной из холеных, оборзевших баб, при мысли о которых брюки не трещали по швам. Чертова дура...

Он вдохнул пропахший бензином и выхлопными газами пыльный воздух и вздрогнул от резкого звонка мобильного. Посмотрел на дисплей и едва сдержался, чтобы не запулить дорогой телефон в ствол растущего неподалеку дерева.

– Романыч, твой отпрыск у нас. В этот раз... – голос несущийся из мембраны, искаженный расстоянием сегодня был взволнованнее обычного.

– Плевать, – выплюнул Муромцев, твердо решив, что сейчас отключится и заблокирует этот контакт к чертям собачьим. К горлу подскочила едкая тошнота. – Мне надоела эта евпатория, полкан. Делай с чертовым ублюдком то, что давно было надо. Банкуй, Василий. Я затыкался подчищать хвосты за наследничком.

– Дело серьезное, Романыч. Там такой срок корячится...

– Еду, – нехотя выдохнул Виктор, доставая из кармана ключи от машины. На его репутации сын преступник отразится не самым восхитительным образом. И это жутко бесит.

Сына Муромцев увидел только через два часа. И в отличие от выжатого, словно лимон, Виктора Романовича, выглядел он уверенно и самодовльно. Сидел, развалившись на казенном стуле, словно на троне, и на губах его блуждала улыбка, которую захотелось смазать, вымарать. А потом пойти и принять душ с хлоркой, попытаться смыть с себя боль женщины, которой он предлагал деньги за жизнь ее единственной дочери, находящейся сейчас в реанимации. Болтающейся между жизнью и смертью, из-за этой мрази, уверенной в своей безнаказанности.

– Я свободен? – насмешливый голос сына резанул, словно удар хлыстом. – Нищие купились, отец?

– Нищие? – прорычал старший Муромцев, ослепнув от алой пелены, свалившейся ему на глаза. – Ты чуть не угробил девочку. Ей исполнилось восемнадцать, сука. Вчера. Она отмечала день рождения. Мать копила деньги, чтобы она нормально отпраздновать могла совершеннолетие, не хуже других. Что ты ей подсыпал, ублюдок? – ярость вырывалась толчками. Глаза матери, единственный ребенок которой, скорее всего останется инвалидом, он никогда не сможет забыть, во сне будут являться. Она бросила ему в лицо поганые деньги, которыми он позорно пытался выкупить уроды, сидящего напротив и ухмыляющегося по клоунски. Бросила, а потом безвольно собирала их с пола. Дочке нужно лечение. Виктор Романович очнулся, только почувствовав саднящую боль в кулаке и услышав хруст. Наконец смог увидеть сына, с лица которого словно ластиком стерло нахальство. И в глазах его он страха не увидел. Скорее ненависть.

– Романыч, ты без фанатизма, не хватало еще, чтобы на нас повесили издевательство над заключенными, – Василий перехватил его руку, занесенную для следующего удара. Господи, где же он так ошибся? Когда милый малыш превратился в это уродливое подобие человека, не ценящего жизни других людей? – Слушай, девку мы спишем. Найдем доказуху, что она сама нажралась дури. Подмажем подружкам этой дурехи. Они за деньги все подпишут. Тут по другой статье корячится не хило. Хранение и распространение – пятнашка минимум. Там я уже не смогу помочь, надо задействовать бугров, а это другой ценник.

– Вась, у тебя есть дочь кажется, – устало потер переносицу Муромцев. – Как бы ты спал, если б вот такая мразь сделала из нее овощ? Из здоровой девочки? Есть суд пострашнее человеческого. Пакуй его по полной.

– Убил бы, – честно ответил полковник, проникаясь к этому зажавшемуся мужику подобием уважения.

– Отец, ты что, реально, из-за этой...? – голос Ромки дрожал, и наконец то в нем появились нотки страха. – Ей цена – сотка в базарный день. У этой курвы сиськи ведерные, сука, строила из себя целку, миразь, профура, мать ее. И ты готов...

– Георгич, оставь нас ненадолго, – в голосе Муромцева старшего прозвучал приказ, полицейский недовольно поднялся со своего командирского кресла. Но к старшему буржую он проникся уважением. Надо же, и среди них бывают люди.

– Ты это, без глупостей, Вить. Я конечно приподзакрою глаза на побои, но...

– Я буду нежен, – криво ухмыльнулся отец задержанного. Честно говоря, Василию Георгиевичу давно хотелось закрыть выползня, похожего на мерзкого червя. Странно, что отец и сын такие разные.

– Мать девчонки взяла деньги. Кроме того я оплачу все расходы по ее лечению и реабилитации, – ровным тоном сказал Муромцев, едва за хозяином кабинета закрылась дверь.

– Это что, ты меня воспитывал так? Bravo, папуля, – хмыкнул Ромка, зрочки которого сейчас были похожи на игольные ушки. Черт, он же под кайфом. – Я осознал, раскаиваюсь и все такое...

– Это прекрасно, потому что на этом твоя счастливая жизнь под моим крылом существенно изменится, – скривил губя старший Муромцев, удовлетворенно наблюдая как напрягается лицо сына. – Я отмажу тебя в последний раз, но при условии. Мне нужен наследник, а не обдолбыш, не умеющий ценить свое счастье.

– Не понимаю твоего бреда.

– Я дам тебе месяц. Это много, поверь. Ты должен жениться. Не на силиконовой овце, с которыми любишь проводить время, не на платной бабе за деньги. Приведешь в мой дом чистую колхозницу, так ты их кажется называешь. Условие – она должна быть в тебя про уши влюблена, поверь, я пойму. Она должна любить тебя, а не мои деньги. Такое не сыграешь. И еще, завтра ты приступаешь к работе. Как я и говорил, низшее звено, зарплата соответствующая. Если спустя означенное время ты не выполнишь моих правил, извини. Мордовские лагеря я тебе гарантирую. Будешь шить тапки для нищих. И плевать на все. Деньги и активы уйдут на нужды сирот в детские дома страны.

– Ты рехнулся? – голос сына дрогнул, но в глазах загорелись нехорошие огоньки.

– Не надейся. Признать меня недееспособным у тебя кишка тонка, – ухмыльнулся Муромцев. – И еще, учти, завещание я переписал. В случае моей смерти ты ничего не получишь, если не выполнишь условий. Здорово я подстраховался, сынок? Тебе нравится играть в азартные игры с дьяволом? Значит тебе понравится моя забава. И не дай бог тебе меня обмануть.

– А если я выполню условия?

– Я напишу новое завещание, – оскалился Виктор Романович. – Мне нужен наследник, а не существо под кайфом

Глава 5

Три недели спустя

– Чем у нас так воняет? – простонала я, обвалившись на табурет. Леська остервенело кромсала овощи, чтобы закинуть их в адское варево, бурлящее на плите. Сейчас она была похожа на ведьму из сказок про непослушных детишек, и я даже слегка струхнула, что она и меня под сурдинку вальнет и запихнет в кастрюлю.

– Суп варю. Ленька бройлера приволок фермерского. Желтый такой, жирный.

– Кто, Ленька? Гепатитом приболел? – мой сдавленный стон потонул в шкворчании масла. По кухне поплыл запах жарки, у меня в глазах полетели прозрачные скелеты мух.

– Бройлер. Тебе надо хоть что-то съесть, иначе ты не дойдешь до своего собеседования, – фыркнула подруга. – Где оно, кстати? Надеюсь ты не попрешься опять в шаурмячную на углу?

К горлу снова подскочила едкая тошнота. Я закрыла руками рот и молнией метнулась туда, откуда приползла минуту назад. Леськин унитаз уже три дня подвергается атакам монстра, зовущего из его глубин «ихтиандров». Зря я попробовала шаурму в забегаловке с поэтичным названием «Лакшери-ролл», сокрытой в темном переулке нашего чудесного города. Но ведь надо же было узнать, что я буду подавать трудящимся, забежавшим перекусить. Работать туда я устраиваться точно не буду. Жизнь дорога. Если не сдохну от отравления, то меня пырнет ножом какой-нибудь несчастный работяга, отдававший элитную вкуснятину. Лакшери же, прости господи.

– Угля принесу, – вздохнула наблюдающая за моими бесплодными конвульсиями Олеська. – Мелкого, но много.

– И мела, – просипела я, и сама удивилась своему желанию. – Только намочи его, чтоб побелкой пах. И конфетку хочу, темный шоколад с мятной начинкой. Бельгийский.

– Мела, говоришь? – прищурилась Лисенка, роясь в шкафчике с лекарствами. Сто раз ей говорила, что аптечке не место в ванной. Я почувствовала глухое раздражение, когда подруга сунула мне в руки странный пластмассовый футляр. Градусник, что ли? И что мне с ним делать. Лучше бы смекту нашла, на худой конец регидрону. Повертела в руках белый пластик, удивилась, что в окошечке нет цифр и сунула термометр под мышку.

– Чивой? – судя по изогнутой брови Олеськи, что-то я сделала не так. – Он оральный что ли? В рот надо?

– Анальный, блин, – рявкнула подруга. – Эту штуку надо описать. Ты про тесты слышала?

– Психологические? Зачем? – продолжила тупить я. – Какие тесты? Лесь, ты чего? Ты думаешь...? Глупость какая.

– Пердические, Машка, не тупи. Детка, у тебя месячные когда в последний раз были? Только не говори, что твое восхитительное приключение не предохранялось, умоляю, – господи, что она несет? От супа же вроде так не должно плющить. Я прикрыла глаза, пытаюсь вспомнить, когда получила оповещение из приложения для здоровья, о начале ежемесячной женской радости, не смогла. Попытался считать, загибая пальцы...

– Это от стресса. Мне Глафира говорила, что такое часто случается. Да, задержки от стресса вполне нормальное дело. А у меня жизнь полностью изменилась. Вот и результат. Давай сюда тест свой, я тебе докажу. И не смотри на меня так.

– Много твоя Глашка знает. Дева старая, – поморщилась подруга. Тетку мою она так и не простила.

Через пять минут я сидела на краешке унитаза гипнотизировала взглядом проклятую пластмаску и пыталась вспомнить хоть одну молитву. «Я даже супа поем, только пусть я не буду беременная»

Люди странные существа. Даже воинствующие атеисты в критической ситуации всегда вспоминают о всевышнем, радостно посмеивающимся над глупыми дураками, неумело просящими у него спасти и сохранить.

– Пора,– твердо сказала Олеська,– можно смотреть уже.

– Да нет там ничего, сто пудово. Ну так ведь не бывает, чтобы с первого раза? Ну скажи. Ну, скажи, Леська,– умоляюще посмотрела я на подругу, на лице которой прочла приговор.– Тест может ошибаться, да ведь?

– Я не...

– Точно, он ошибается. Ты наверное просроченный купила, – рывкнула я, стартуя со своего насеста, словно ужаленная. Я в аптеку,– проорала уж от двери, выскочила в коридор, зачем – то прихватив лыжную палку, торчащую из подставки для зонтиков. Надо будет спросить у Олеськи, на фига она держит в доме спорт инвентарь. Да, это сейчас самое нужное мне знание, блин. Я неслась по улице, размахивая палкой на манер копья, в тапках в виде заячьих морд, растянутой футболке и пижамных штанах, как заправский вождь племени Ацелотов. Сходство с вождем придавала и развевающаяся всклокоченная шевелюра. Но мне было плевать, что выгляжу я как городская сумасшедшая. Мне сейчас было абсолютно фиолетово все вокруг. Аптека совсем рядом находится от Леськиного дома, надо только перебежать дорогу, по которой сплошным потоком сейчас мчались машины.

Выставив вперед свое оружие я ломанулась через проезжую часть, увидев небольшой разрыв между автомобилями и рискуя не узнать, соврал ли тест. Я добежала до середины и замерла как вкопанная, слушая истеричные сигналы клаксонов. Деньги остались в квартире Олеськи.

– Ты что творишь, дура? – раздался яростный вопль. Я услышала скрип покрышек по асфальту, шарахнулась в сторону, запустила копьё свое туда откуда несся бодрый мат и судя по звуку попала. Послышался треск, потом что – то грохнуло

– Держи девку, Сема, она мне нужна. Быстро, – услышала я еще один голос, который показался мне знакомым. Но у меня нет никого, кто мог бы говорить так шикарно. Присыпанный песком бархат, вот какой это был звук. Сердце заколотилось где-то в районе левой пятки. Я словно заяц запетляла между машин, которые начали образовывать пробку. Да, сегодня явно не мой день. Определенно.

Глава 6

– В администрацию, и Сема, постарайся быстрее, – приказал Муромцев и, прикрыв глаза, откинулся на дорожную кожу автомобильного сиденья. Он терпеть не мог ездить с водителем. Нанял амбала только потому, что положение вроде как обязывает. Виктор очень давно научился доверять только себе: свою жизнь, свои решения, свои желания.

– Что творит, мать его, – ошалевший окрик всегда сдержанного Семена вырвал Муромцева из странной полудремы, похожей на липкую жижу. Резкое торможение кинуло его вперед, что – то громко хлопнуло. Виктор Романович почувствовал едкое раздражение, открыл глаза и ...

Девка, чертова поганка, которую он уже и разыскивать бросил, выплясывала перед его машиной, какой – то странный танец.

– Виктор Романович, вы в порядке? Вот падла рогатая. Как таких из дома только выпускают без сопровождающих? – голос бодигарда, полный заботы и неприкрытого страха ввинчивался в мозг толчками. Нет, он не в порядке, он смотрел на плюшку, похожую на сумасшедшую, сбжавшую из дурдома и одуревал от адского желания разложить ее прямо на капоте на виду у сотен водил, зачем – то снимающих на телефоны идиотский перформанс. Завтра интернет будет полон фильмов с его участием.

– Сидишь чего? Девку лови, и проследи, чтобы ни одно чертово видео не попало в сеть, – прохрипел он, даже примерно не представляя, на кой черт ему снова нужна эта толстая головная боль, явно отягощенная психиатрическим диагнозом. Хотя, зачем себе лгать? Он прекрасно знал, что хочет сделать с Марджери. Имя то какое дурацкое.

– Не думаю, что это хорошая идея, босс. Похоже в дурдоме выходной сегодня. Гляньте, что творит. И что у нее в лапе? Блин, лыжница – булыжница. А вдруг она кусаться начнет? Явно же из поднадзорной палаты сбежала эта овца.

– Я тебе плачу, чтоб ты думал, Сэмэн? Выполняй приказ, мать твою. И на будущее, я терпеть не могу, когда со мной спорят, – Муромцеву показалось, что в его штанах поселился отбойный молоток. А в голове зазвучали литавры. Аневризму бы не получить. То-то Ромка обрадуется.

Громадный Сема дернул ручку на дверце, девка замерла на месте, как суслик увидевший страшного хищника. А потом вдруг с воем, который издают индейцы, вышедшие на тропу войны метнула странную палку в джип и резко развернувшись взяла в бодрый галоп. Лобовое стекло, которое по обещаниям автодилера, могло выдержать прямое попадание баллистической ракеты, прыснуло миллиардом острых осколков. Храбрый Сема припал к земле, но быстро сориентировавшись метнулся за дурной амазонкой. Муромцев поборол желание броситься следом. Дотронулся до саднящей скулы, посеченной стеклом. Боль слегка отрезвила. Да уж, мэр сегодня явно не дождет своего спонсора. Хотя, вряд ли бы он обрадовался, увидев одуревшего от стояка мужика в своем кабинете, с мордой похожей на физиономию лесного разбойника. Муромцев усмехнулся и привалившись спиной к покалеченной машине замер в ожидании. В ожидании чего? Скорее всего очередного головокружительного геморроя. Иди чуда, в пижамной застиранной футболке? Чуда в перьях.

Сеня появился спустя десять минут. Ио он был один. Виктор едва сдержал разочарованный стон. Поганка уткнулась в пальцы, словно юркая ящерица. Да и черт бы с ней, приворожила что ли она его? Как там говорит его сын? Таким как эта дура, цена пять рублей за пучок в базарный день.

– Шеф, у этой чертовой бабы реактивный мотор в том месте которым она думает и сидит, – буркнул водила – бодигард, дыша как больной астмой шарпей. Даже за бок схватился, болезный. Да уж, с такой расторопностью он и не чухнется, случись на его любимого началь-

ника покушение.– Ушла, зараза. Да не парьтесь, с нее все равно кроме анализа взять было нечего. Сейчас фараонов вызовем, зафиксируем материальный ущерб...

– Жаль что ты, похоже, тем самым местом только сидеть можешь,– хмыкнул Муромцев, остервенело дернув на себя ручку дверцы.– И с каких пор ты, Сема с фараонами общаешься? Поди спиритические сеансы проводишь? Это прискорбно, кстати. И что у тебя в лапе?

– Это, ну, заячий хвост, – покраснел лицом доморощенный спирт – медиум.– От тапки у ведьмы отвалился. И фараоны кстати, я ж имел ввиду... – нервный кашель амбала начал раздражать Муромцева.

– Вот и говори – полицейских вызову, дай сюда хвост, – рявкнул он, обваливаясь на порезанное кожаное кресло, сделанное на заказ. Пушистый искусственный комочек меха, отчего – то розовый, сжал пальцами, абсолютно осознавая, что сходит с ума. И совершенно очевидно, что это какая – то странная болезнь, которую можно вылечить вышибив клин клином. И хорошо что эта дура сбежала. Господи, одни проблемы от нее. Головная боль с задницей размером с луну. Черт, черт, черт. И зачем она ему? – Девка где-то здесь обитает. Найти.

– Это практически невозможно,– в чудом уцелевшем зеркале заднего вида отразился полный удивления взгляд Семена.– Слушайте, на хрена вам эта летучая обезьяна?

– Не твое дело. Сотвори чудо, ты же оказывается, полон сюрпризов. У фараонов спроси, мать твою. Ты же не мальчик – волшебник, учить не надо? И Сема, почему у зайца розовый хвост, ты не в курсе?

Семен промолчал, а это означало, что он вывернет этот город на изнанку. При всем своем идиотизме этот увалень лучший профи в городе, и денег, что Виктор ему платит, все же стоит.

Роман задышался от злости. Очередной день в компании убогого офисного планктона высосал из него остатки притворного смирения. Он обвалился на мягкий диван в VIP зоне клуба, принадлежащего Марку, ощущая в руке тяжесть граненого хрусталя. Запах виски скорее раздражал, чем дразнил. Но сейчас ему была просто необходима разрядка. Озвученный отцом срок подходит к концу, а он так и не нашел бабу, отвечающую идиотским условиям. Все, кого он приводил, пришлись не ко двору старому самодуру. Гребаные суки оказались хреновыми актрисами.

– Ты стал много пить, это вредно. Кто мне возместит расходы, если ты сдохнешь по синей сливе? А, Романо? – раздался прямо над головой насмешливый голос Марка. – Мне сообщили, что вчера ты проигрался. Я погасил твой долг. Не хочу потерять друга. Люди, которых ты вчера кинул некрасиво очень серьезные, были злы и разочарованы. Понимаешь о чем я? Аппетиты растут, Ромуальдо? Я не бедный человек, но постоянно подчищать за тобой хвосты из чистого альтруизма уже не могу. Извини.

– Отыграюсь,– нервно дернул щекой мажор. Марк удовлетворенно отметил про себя, что Роман стал слишком нервным. Это означает, что увяз он по самую маковку, но еще до конца не понимает положения вещей. Осталось немного дожать. Совсем слегка и...– Черт, Марыч, я скоро взорвусь. Деньги будут, говорю же. Найду мерзкую суку, которая понравится моему папуле и перестану жить на гребаную нищенскую зарплату. Он обещал вернуть мне мою жизнь, если я остепенюсь. Блажен кто верует. Если бы ты знал, как я ненавижу офисных мразей. Они смотрят на меня с жалостью. На меня. На Романа Муромцева. Улыбаются. Твари, а сами смеются за спиной. Мать их, я чувствую это. Зовут меня кофе пить после работы, только чтобы поиздеваться. Суки, -уже проорал младший Муромцев. Тяжелый стакан с грохотом врезался в зеркальную стену. Которая тут же пошла уродливыми трещинами.

– Плохая примета, Рома,– прищурил глаза хозяин клуба. – Ущерб я тоже запишу на твой счет. Кстати, я подготовил расписки. Прости, дружба дружбой, но ты стал мне обходиться очень дорого.

– Расписки? – сразу сдупся Роман. Марк ухмыльнулся, достал из кармана пакетик с порошком и бросил на стол, перед "дружком-приятелем", который надоел ему до оскомины.– Черт, Марк, ты что мне не доверяешь? Мне просто надо найти подходящую бабу, заплатить ей, обмануть отца. И все наладится. Но, мать его, ему не понравилась ни одна овца, которую я приводил в течение месяца. Где я ему найду колхозницу – монашку, с хорошей родословной? Я затрахался уже искать сокровище.

– А знаешь, я могу помочь,– Марк удовлетворенно смотрел, как Муромцев дрожащими руками выводит «дорожку» на стеклянной столешнице, как трепещут его ноздри в предвкушении удовольствия. Расслабился гаденыш. Снова потерял нить, за которую надо держаться для самосохранения. Прекрасно, все идет даже лучше, чем предполагалось.– Мне бабок торчит как раз такое сокровище. Я тебе передам права требования долга. Ты подпишешь расписки. А потом, если девка сработает как надо, просто вернешь мне все с небольшими процентами. Что для тебя ставка в пятнадцать процентов. Ты же Муромцев.

– Это что? Телка должна тебе сто кусков деревянных?– хохотнул Роман, прочитав брошенную перед ним, написанную от руки цидульку. – За такие суммы души не продают.

– Поверь, и за меньшее отдадут в аренду? – скривился Марк.– Но души сейчас не самый ходовой товар, Ромашка. Гораздо интереснее другие активы. Твой отец очень хорошо это знает. Его бизнес...– владелец клуба подавился последней фразой, но младший Муромцев его не услышал. Порошок начал свое действие.

– Согласен, – расслабленно хмыкнул мажор, откидываясь на спинку дивана, – давай свою лохушку. Если она совершит чудо, получишь в два раза больше.

– Подпиши, –приказал Марк, подсовывая «другу» подготовленный к подписанию документ и дешевую ручку.

– Хорошо не кровью подписывать заставляешь,– хохотнул Роман, и не читая подмахнул составленный юристом документ. Марк улыбнулся. Все вышло. Босс будет им очень доволен.

– Умничка, зая, – хмыкнул он, больше не глядя на плывущего на волнах тяжелого кайфа Романа. Вышел из «кабинета» на ходу доставая мобильник. Процесс запущен.

Глава 7

– За тобой черти что ли гнались? Где ты шлялась больше часа, детка? – приподняла бровь Леська, увидев на пороге мою растрепанную персону. – И где моя палка для скандинавской ходьбы? Я за них бешеные бабки отвалила. Маш, ау. Ты меня слышишь?

Нет, я ее не слышала. Я и не видела ничего вокруг, потому что в ноздри мне проник запах куриного супа, желудок скрутило в тугой узел, а на глаза навернулись слезы.

– Ты чего?

– Тапок я потеряла, – хныкнула я, сглотнув слюну. – И тесты не купила. Потому что забыла кошелек, а ты не напомнила. А потом да, за мной гнался огромный мужик, может и черт, оторвал мне хвост, обозвал меня дурно. И остаток этого проклятого часа я просидела в кустах, потому что мужик, которому я разбила машину, рыскал по окрестностям, как охотничий пес. Меня до мослов обглодали комары, я хочу в туалет и твоего супа, просто до одури. День не задался вообще.

– Мда. Машка, оторванный хвост это прискорбно, конечно. Но в твоем случае это даже благо, – в голосе Лесюньки я услышала едва скрываемое веселье. Хорошо, что у тебя есть я. Пока ты развлекалась, твоя ответственная подруга дошла до аптеки медленным шагом и купила десять тестов. Суп получишь после того, как проанализируешься. Но судя по тому, как тебя колбасит, я думаю, что просто выкинула деньги за тест полоски на ветер. Тебя же тошнило от запаха супа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.